ВОСПОМИНАНІЯ БОГОМОЛЬЦА.

Кто не знаетъ роднаго нашего Аѳона, омываемаго холодными волнами Бѣлаго моря, и такъ не давно яркимъ лучемъ славы свыше озареннаго!— Имя Соловецкой обители извѣстно на Руси болѣе четырехъ сотъ лѣтъ; событія 6 и 7-го іюля 1854 г. сдѣлали извѣстною эту обитель и во всей Европѣ.

Желая быть не кратковременнымъ посѣтителемъ сѣвернаго пріюта душъ пламенѣющихъ ревностію къ подвигамъ благочестія, я избралъ для путешествія своего такое время, которое во многихъ отношеніяхъ неудобно для путешествій. 15-го января прошлаго 1859 года, напутствованный молитвою и благословеніемъ Церкви, я оставилъ мѣсто своего жительства.

Дологъ и не легокъ былъ путь мой. Чѣмъ далѣе углублялся я къ сѣверу, тѣмъ онъ становился однообразнѣе и унылѣе: изрѣдка встрѣтишь селеньице, кое-гдѣ увидишь небольшую поляну, большею же частію предъ глазами до-

рога, небо, да лѣсъ, плотно примыкающій къ дорогѣ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы совсѣмъ не повстрѣчалось мнѣ ничего занимательнаго, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Рѣчь подобнаго мнѣ богомольца, случайно мною услышанная, сдѣлала глубокое впечатлѣніе на мою душу, и я хорошо ее помню.

Было около 7-ми часовъ вечера (я былъ уже на половинѣ своего пути), останавливаюсь для ночлега въ одномъ домѣ и слышу,—молодой человѣкъ ведетъ бесѣду съ какимъ-то старцемъ богомольцемъ, остановившимся въ томъ же домѣ для ночлега.

«Для чего ты, спрашиваетъ первый послѣдняго, на старости лѣтъ, при слабыхъ силахъ, предпринялъ такой дальній путь, да и въ такое время? (Старецъ впрочемъ шелъ не въ одно мѣсто со мною.) Не все ли равно было бы для тебя помолиться Богу дома?—Хлопотъ и трудовъ было бы меньше, а Господь всевѣдущій и вездѣсущій вездѣ можетъ слышать наши молитвы. Да притомъ, развѣ въ твоемъ сѣленіи, въ приходской церкви, нѣтъ такой святыни, выше которой не найдешь ты ничего ни въ одной обители, исходи хоть всю Россію? Я разумѣю святѣйшее таинство Тѣла и Крови Христовыхъ».

— Слова нѣтъ, правду говоришь, отвѣчалъ старикъ. Богъ вездѣсущь, всегда и вездѣ можетъ слышать нашу молитву: но мы-то всегда ли и вездѣ способны приближаться къ Богу и

принимать отъ Него небесные дары? То-то и есть: если бы ты побольше присмотрѣлся къ себѣ, не то бы заговорилъ. Растлѣнная грѣхами и грубая плоть наша—это густое и темное облако для нашего духа. Нужно много трудиться, чтобы сколько нибудь разрѣдить, утончить это облако, дабы оно не препятствовало дѣйствовать отраднымъ лучамъ благодати, постоянно ниспосылаемымъ свыше на душу нашу и между тѣмъ до души омраченной страстями недоходящимъ. Ты думаешь, что странствующій ко святымъ мѣстамъ молится Господу только во святыхъ мѣстахъ? Напрасно. Разумный странникъ начинаетъ молитву свою дома, продолжаетъ всю дорогу, усиливаетъ во святомъ мѣстѣ, довершаетъ на обратномъ пути и заключаетъ дома. Вотъ гдѣ *аминь* длинной его молитвы. Посуди же, можно ли такъ долго и такъ непрерывно молиться дома, среди постоянныхъ житейскихъ хлопотъ и вседневной суеты? Легко ли въ мѣстѣ жительства соединять молитву съ такими подвигами, трудами и пожертвованіями, съ какими она, по необходимости, соединяется у странствующихъ богомольцевъ? Посуди объ этомъ хорошенько, и узнаешь, почему христіанину полезно и нужно ходить ко святымъ мѣстамъ... И то правда, что на престолѣ каждой приходской церкви, самой невидной и незнатной, находится такое неоцѣненное сокровище, выше котораго ничего не найдешь ни въ одной оби-

тели и нигдѣ, исходи хоть весь міръ Божій. Да какъ мы приступаемъ къ этой великой и спасительной святынѣ?... Нѣсколько дней повоздержишься отъ неумѣреннаго употребленія постной пищи, походишь въ церковь, скажешь иногда кое-что съ поспѣшностію духовному отцу,—и все тутъ. А на душѣ что?—говорить тебѣ нечего, самъ знаешь.... Какъ же святому таинству животворящаго Тѣла и Крови Господней быть цѣлительнымъ для насъ послѣ такаго приготовленія?—На камень сколько ни лей воды, все будетъ камнемъ; росу небесную впиваетъ въ себя и дѣлается способною къ плодоприношенію только рыхлая земля».

Проста рѣчь странника, думалъ я, а очень разумна. Да, мы благодатію Божіею окружены какъ воздухомъ, погружены въ ней, какъ въ морѣ; а между тѣмъ многіе ли ощущаютъ въ себѣ ея дѣйствія? Отъ чего? отъ того, что не отверзаютъ душъ своихъ для входа ея и даже не считаютъ это нужнымъ. Путешествіе къ святынямъ отрѣшаетъ насъ отъ тѣхъ чувственныхъ и земныхъ предметовъ, коими мы на мѣстѣ жительства обыкновенно бываемъ заняты и къ коимъ привязываемся сердцемъ, доставляетъ удобный случай на свободѣ заняться собою, размышленіемъ о вѣчности и о Богѣ, умягчаетъ нашу душу, раскрываетъ ее и дѣлаетъ способною къ принятію небесныхъ даровъ и къ сообщенію съ самимъ Господомъ—источни-

комъ всякихъ благъ. Вотъ между прочимъ одна изъ главныхъ причинъ, по которымъ путешествія къ святымъ мѣстамъ ознаменовывались и ознаменовываются иногда очень явно такими событіями, въ коихъ нельзя не видѣть чудодѣйствующаго перста Божія.

Приближались дни страстной и свѣтлой седмицъ;—приходилъ къ концу и мой путь. 20-го марта находился я на берегу Бѣлаго моря у Орлова Носа, откуда обыкновенно странники въ зимнее время иногда могутъ переплывать въ Соловецкій монастырь въ небольшихъ лодкахъ между льдами, съ великою опасностію и рискомъ, за большую плату приморскимъ жителямъ, но и то—только къ веснѣ, а до того времени льды, плавающіе по морю, непрестанно угрожаютъ потопить смѣлыхъ пловцовъ и съ лодками. Тутъ насъ собралось много въ ближайшихъ деревняхъ къ берегу моря, но никто изъ жителей не соглашался пускаться въ море за малую плату на явную опасность, а странники всѣ были люди бѣдные. Впрочемъ, еще до прихода моего, нѣкоторые изъ богомольцевъ отправились; ихъ льдами унесло, и слуховъ о нихъ никакихъ не было. Что мнѣ и другимъ богомольцамъ оставалось дѣлать? Молиться и надѣяться съ вѣрою на помощь Божію. Дня за два или за три до страстной недѣли стала носиться молва, что преосвященный епископъ Архангельскій Александръ обозрѣваетъ церкви прибреж-

ныхъ селъ своей епархіи и намѣренъ посѣтить прежнее мѣсто своихъ подвиговъ, Соловецкую обитель. Молва становилась часъ отъ часу правдоподобнѣе;—и дѣйствительно преосвященный прибылъ со свитою въ субботу Лазареву, и съ нимъ привезено на лошадяхъ три карбаса. На нихъ преосвященный пустился смѣло въ море, пропѣвши на колѣняхъ со слезами преподобнымъ Соловецкимъ тропарь и кондакъ, а въ заключеніе пѣснь Божіей Матери: « подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво ». Владыка приказалъ всѣхъ странниковъ богомольцевъ забрать безъ платы съ своею свитою. На карбасахъ во время плаванія пѣли Богородичные. Льды, какъ громадныя здашія, съ страшнымъ шумомъ и трескомъ движутся во всѣхъ направленіяхъ, и между этими льдами пробираются плаватели, ободряемые вѣрою въ промыслъ Божій, на маленькихъ карбасахъ. Того и смотри, что груда льда обрушится и затопитъ карбасы; но Господь и на этотъ разъ послалъ милость свою епископу Александру: онъ проплылъ пространство моря въ шестьдесятъ верстъ въ три съ половиною часа, тогда какъ по словамъ крестьянъ, сопровождавшихъ владыку, плаваніе въ это время иногда бываетъ такъ бѣдственно, что продолжается отъ трехъ и до десяти дней, и все таки часто пловцы не попадаютъ туда, куда мы пристали. Это впрочемъ случается при сильныхъ выогахъ, а на этотъ разъ была уди-

вительная тишина. Пристали мы на островъ Муксаломъ; карбасы стащили на берегъ, разложили огни и послали пѣшехода на лыжахъ въ монастырь просить о присылкѣ лошадей за владыкою. Отъ мѣста, гдѣ карбасы пристали, лѣсомъ и островомъ 25 верстъ до монастыря. Лошадей прислали столько, что и всѣхъ богомольцевъ забрали на повозки.

Въ обитель преосвященный прибылъ къ концу всенощной въ недѣлю Ваій, и всѣ братія обители отъ мала до велика въ рукахъ съ ваіями и свѣщами вышли изъ храма во святыя врата встрѣчать бывшаго своего начальника съ радостію и любовію, и архипастырь умѣлъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ чувства. Онъ рѣшился провести съ ними всѣ дни страстной седмицы и праздновать пасху. Назидательно и утѣшительно было это пребываніе въ монастырѣ архипастыря! Съ понедѣльника страстной седмицы и до самаго отъѣзда своего онъ самъ совершалъ ежедневно литургіи и всѣ уставомъ положенныя дневныя службы и нѣкоторыя,—важнѣйшія по воспоминаемымъ священнымъ событіямъ,—утреннія и вечернія; самъ читалъ Еваигеліе на часахъ. Каждый день страстной седмицы онъ заключалъ трогательнымъ и умилительнымъ канономъ и акаѳистомъ страстямъ Христовымъ. Совершилъ онъ нѣсколько и такихъ обрядовъ, кои не вездѣ совершаются. Мое вниманіе не столько занято было умовеніемъ

ногъ, неоднократно мною видѣннымъ въ епархіальныхъ городахъ, сколько омовеніемъ мощей и елеопомазаніемъ. Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ омовеніе мощей, какъ видно изъ устава сего собора, бываетъ въ великій четвертокъ, а таинство елеосвященія для помазанія предстоящихъ во храмѣ—въ пятокъ. Въ обители же Соловецкой первый обрядъ совершенъ былъ (какъ и всегда совершается) въ пятокъ, а вторый въ субботу. При всѣхъ богослуженіяхъ ходили въ храмъ на молитву арестанты, содержащіеся въ Соловецкой обители. Говорятъ, что изъ числа ихъ одинъ при совершеніи елеопомазанія до того умилился, что раскаялся въ своемъ заблужденіи.

Архипастырь, какъ бы въ память посѣщенія обители, рукоположилъ трехъ іеродіаконовъ въ санъ іеромонаха, трехъ иноковъ въ санъ іеродіакона и одиннадцать послушниковъ посвятилъ въ стихарь. 14-го апрѣля,—это былъ вторникъ свѣтлой седмицы,—послѣ литургіи и молебна преподобнымъ, преосвященный, напутствуемый благословеніями монашествующихъ, богомольцевъ и такъ называемыхъ «трудниковъ» [а], отправился въ обратный путь. Онъ, по милости Божіей, и обратно проплылъ необыкновенно скоро, въ три часа.

а) Людей разнаго возраста и званія, давшихъ обѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ пожить въ обители и потрудиться въ пользу ея.

Не могу высказать всѣхъ тѣхъ мыслей и чувствъ, кои возникали въ душѣ моей, при видѣ знаменитой Соловецкой обители! Желтовато-зеленые круги, сдѣланные красками на внѣшней каменной оградѣ, по мѣстамъ поросшей мохомъ, напоминали мнѣ живо тѣ страшные часы, когда ядра, бомбы и гранаты сыпались съ англійскихъ кораблей на мирную, Богомъ хранимую обитель. Величественныя и разнообразныя монастырскія зданія сами собою напоминали мнѣ достопамятное замѣчаніе перваго нашего лѣтописца—отца отечественной исторіи, имѣющее приложеніе и къ Соловецкой обители: «мнози монастыри отъ князей и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть тацы, кацы суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвами и бдѣніемъ». Да, четыреста слишкомъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ преподобные Зосима, Савватій и Германъ первые вступили на пустынный островъ Соловецкій и устроили своими руками убогія кельи, и съ тѣхъ поръ обитель, въ основу свою получившая ихъ молитвы и кельи, не только не оскудѣвала ни со внутренней, ни со внѣшней стороны, но, можно сказать, шла отъ славы къ славѣ. И теперь въ рядахъ ея подвижниковъ находятъ достойныхъ власти апостольской и предстоятельства въ областныхъ церквахъ; и теперь свѣтъ вѣры Христовой въ обиліи льется изъ нея на окрестныхъ обитателей, не вѣдающихъ вѣры Христовой или мало въ ней искус-

ныхъ; и теперь бѣдные находятъ въ ней вспоможеніе и пріютъ. А сколь многія души, притекающія въ нее съ вѣрою, находятъ благодатное утѣшеніе и подкрѣпленіе подъ покровомъ ея основателей!

Не могу забыть тѣхъ отрадныхъ минутъ, кои испыталъ я въ храмахъ обители, среди молитвеннаго сонма подвижниковъ! Тишина, внятное и неспѣшное чтеніе, благоговѣйное и по характеру своему древнее пѣніе, все сообщало душѣ моей благоговѣйное настроеніе; а теплыя молитвы и труды иноковъ возбуждали молитвенное умиленіе и въ моемъ холодномъ сердцѣ;—такъ Саулъ, думавшій только о потерянныхъ ослахъ, въ сонмѣ пророковъ становился пророкомъ. «Поставихъ азъ кадило свое», говорилъ первый, извѣстный въ исторіи нашъ отечественный путешественникъ ко святому гробу Господню, благочестивый игуменъ Даніилъ, «поставихъ азъ кадило свое на святомъ гробѣ, и поклонихся честному тому гробу, и облобызахъ съ любовію и со слезами мѣсто святое, идѣже лежало тѣло пречистое Господа нашего Іисуса Христа. И изыдохъ изъ гроба того съ радостію великою и идохъ въ келлію». Не ставилъ я кадила предъ святыми останками угодниковъ Божіихъ Зосимы и Савватія, но старался излить предъ ними свою душу, и возвратился къ своему мѣсту съ радостію подобною той, какую испыталъ и преподобный Даніилъ. Живо представляю себѣ все

видѣнное и слышанное во святой обители и помню тѣ чувства, кои наполняли душу мою. «Богъ тому послухъ (свидѣтель) и святый гробъ Господень», замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ описанія своего путешествія тотъ же благочестивый поклонникъ святыхъ мѣстъ восточныхъ, «во всѣхъ сихъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ князей русскихъ и княгинь ихъ и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни боляръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, ни коли же не забылъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь: о семъ похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго написати имя князей русскихъ въ лаврѣ святаго Саввы, и нынѣ поминаются во ектеньи». Вспомнилъ и я грѣшный въ недостойной молитвѣ своей Отца отечества съ Августѣйшимъ Его Домомъ, помянулъ властей духовныхъ и гражданскихъ, помянулъ друзей, благодѣтелей, знаемыхъ и всѣхъ православныхъ христіанъ—братій по духу Христову, и благодарю Господа, что сподобилъ меня узрѣть святую обитель и выполнить давнее желаніе моего сердца — поклониться преподобнымъ основателямъ обители, теплымъ и сильнымъ молитвенникамъ нашимъ предъ Господомъ.

«Яко свѣтильницы явистеся всесвѣтліи, во отоцѣ Окіана моря, преподобніи отцы Зосимо и Савватіе: вы бо крестъ Христовъ на рамо вземше, усердно тому послѣдовасте, и чистотою Богови приближившеся, отъ онуду же силами

чудесъ обогатистеся. Тѣмъ и мы любезно притекаемъ къ ракамъ честныхъ моіцей вашихъ, и умильно глаголемъ: о преподобніи! молите Христа Бога, спастися душамъ нашимъ» (Тропарь преподобнымъ.)

Сообщено.
1860 г.